
ГАЗЕТА

ЭЗИЯ

МЕТАГАЗЕТА
ПОЭТОВ
И
ДЛЯ ПОЭТОВ

№6
1997

Нега снега

В снеге есть нега и ген замороженного огня. Наша черемуха (*gaz*) сыплет снегом (Есенин). Происхождение снежинок окутано тайной. Кто вычерчивал эти ажурные белые магендовиды и так обильно их высыпал в местах столь далеких от Ершалаима. Попытка превратить шестигранники в пятико- нечники не увенчалась успехом, хотя временами снег становился красным. Колочая снежная проволока окутывает Россию. Алина в тюрьме. Тепло ль тебе, девица?.. Попытка приручить снег ладонью заканчивается плачевно. Остается только влага. На языке снег безвкусен, на слух бесшумен, на взгляд бел, как Андрей (Белый) или как стих - *белый*. Снег рифмуется с *негром*, как *черное* с *белым*.

Когда в Петербурге появился курчавый эфиоп, его, конечно, застрелили. Потомок царя Соломона и царицы Савской на *белом* снегу у *Черной* речки. Вот истинное определение поэзии, данное практиком и теоретиком силлаботоники Михайлой Васильевичем: "Поэзия есть сопряжение идей *далековатых*". Сопряжение Эфиопии с белоснежной Россией чревато Пушкиным. Его бело-пуховая фамилия есть ничто иное, как уютный синоним снега. Позднее Ал.Блок увидел в снежной пурге Христа. Надвьюжный, жемчужный, снежный Христос был, конечно же, Пушкин. В него стреляли, но не нашли. Так же безуспешно ловили лицейца Пушкина, чтобы доставить его к Державину. Державин - олицетворение державы - остался без Пушкина, сосланного за это в Михайловское, поближе к снегу. "*Меня искали, но не нашли*" (Пушкин). Искать в России поэзию - дело безнадежное. Хлебников, Мандельштам, Цветаева были при жизни невидимы, как снежинки в сугробе.

У нас не какой-нибудь Санта-Клаус, а Дед Мороз и Снегурочка. Дед Мороз *белый*, а Снегурочка (*Снег-р-урочка*), конечно же, негритянка. Это наша *снежно-негровая* вороватая муза. Что-то украдет у Байрона, что-то у Бодлера. Полный мешок подарков. Дед Мороз - посевивший Карл Маркс или слегка загримированный Лев Толстой. Он с этой шалуньей-музой в сложных отношениях. С одной стороны "*лета к суровой прозе клонят, лета шалунью-рифму гонят*". А с другой: "*Снегурочка, приди!*" И вот приходит каждый год, как ни странно, так и норовит улизнуть от своего морозного партнера. "Тепло ль тебе, девица?" - "Тепло, дедушка!"

С Новым годом, ПОЭ(дгар)[а]зия!

"Водяные пары, стгутившись от холода в снег, выпадают снежинками на мою одежду, все, как одна, шестиугольными, с пушистыми лучами. Клянись Гераклом, вот вещь, которая меньше любой капли, имеет форму, может служить долгожданным новогодним подарком любителю Ничего и достойна математика, обладающего Ничем и получающего Ничто, поскольку падает с неба и тант в себе подобие шестиугольной звезды!"

Иоганн Кавлер,
"О ШЕСТИУГОЛЬНЫХ
СНЕЖИНКАХ", 1611 г.

Снегр

Кто этот -
серебряный мяч
запустивший
в плач
не черно-белый
а черный - белый
Кто
этот негр
запустивший мяч
в снег -

СНЕГР

Я думаю, что в хрусталике нашего зрения скрещиваются в обратной перспективе не столько пространство, сколько время.

Поясню это рисунком. Мы на себе чувствуем, как ход истории убыстряется. Время как бы прессуется, сжимается и несется к точке схода. Сначала была бездна бесконечности. Затем две тысячи лет Древней истории. Затем тысяча лет Средневековья. Затем 300 лет Новой истории. Затем 40 лет Новейшей истории.

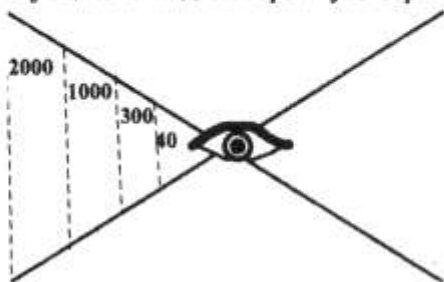
В секунде сегодняшнего дня сжаты столетия. Отсюда переизбыток информации, шизофрения, секунда становится клипом. Мы проживаем за день то, что наши предки за полвека. Время несется к точке схода. Точка схода находится в нашем хрусталике. С.П.Капица считает, что точка схода находится в 2007 году. Учитывая последние исследования о неточности даты рождения Христа (погрешность ≈ 10 лет). Эта точка может колебаться. Вероятно, после точки схода ждет людей гармоническая перспектива. Менталитет может расслабиться. А, может быть, римское начертание XX века дает график двойной перспективы - реальной и виртуальной.

Когда-то я много дей провел с Николаем Козыревым - фанатиком теории сжимающегося и расширяющегося времени. Может быть, он был наивен в экспериментальном определении тяжести времени - взвешивал на листочке бумаги лунный свет и т.д. Но в принципе, как поэт, он предчувствовал истину.

Старый год - визуальная семерка, похожая на горбатый кровавый топор, надеюсь, по Достоевскому, улетит в космос.

Заменившую ее восьмерку положил навзничь, получил бесконечность.

Давайте хотя бы год проживем в бесконечности, пока нас не подстерегла коварная inferнальная девятка.

1997

199 ∞

Идеализм без берегов
сюрреализм сырые мидии
незрячие, как футляры для очков
взирают

Что же касается закуси,
то я предлагаю нечто
афродизиакское.

Вареные на блюде морга
открыты сплющенной восьмеркой

Приятного аппетита
читателям ПО!

Сергей
Бирюков
(Тамбов)

Челновая (пастораль)

I
колени реки
дно поворота
это есть угол
и гол
человек
потомок лота
или лютик
или членистоногий
цикорий
заброшенный Богом
в дол

II
ты бегом достигаешь
того пространства
луга
где сеном пахнет
и сияние росы
а дальше обрыв
крутая яруга
а за нею любезные
сердцу
ОВСЫ

поле и луг
XIX века
река... река
все-таки
не така
не видеть Гераклита
на его месте жигуль

III
сено сметывают
новой машиной
аккуратный кубик
перегнутый бечевой

сери на небе

IV
вода цедится
небесным наущеньем
рыбы божьи
обгоняют тебя в воде
брызг
бр.р.р.

Лидия
Григорьева
(Лондон)

4

Август 1965 г.
Билибино, Чукотка

Старик, старик,
как будто встал из гроба -
так ты инфарктен с головы до ног.
С распухшей папкой, белый, как утопленник,
ты шел по улице, смотрела я в окно
и удивлялась.

Старик, старик,
я тоже старикую.
На рыжем стуле,
шатком, как калека,
я у окна сижу
и удивляюсь.

Но стул стоит,
и я на нем

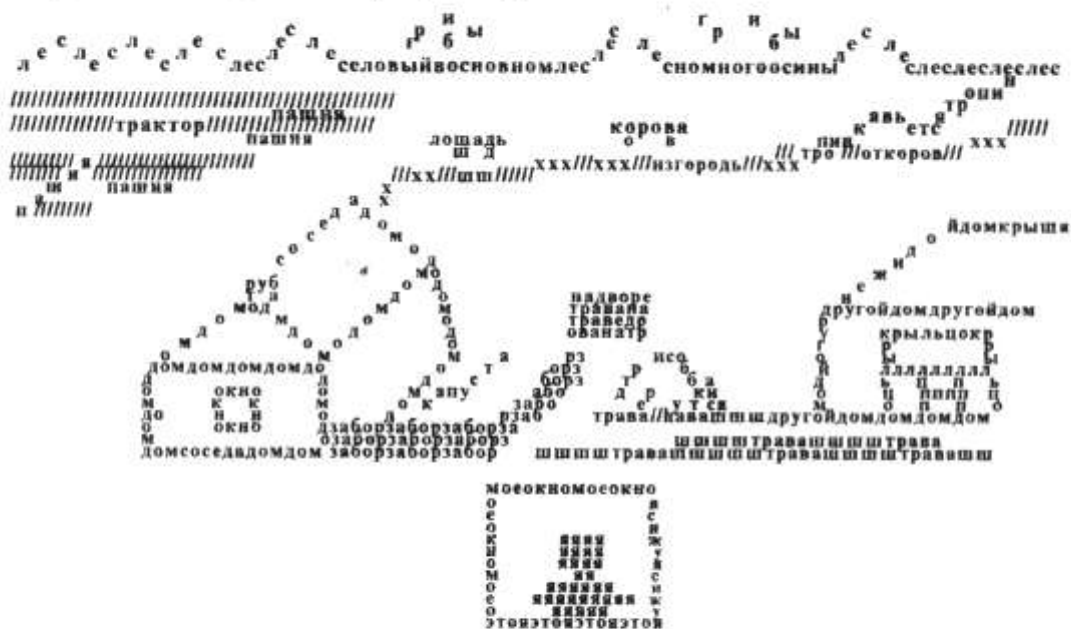
Ноябрь 1997 г.
Лондон
"Не дай мне Бог сойти с ума..."
Пушкин

И у меня сошел с ума зеленый пес.
И у меня сошел с ума зеленый пес.
И у меня сошел с ума зеленый пес,
довел до слез.

Неужто бедный и больной уйдет с сумой.
Неужто бедный и больной уйдет с сумой.
Неужто бедный и больной уйдет с сумой,
зеленый мой.

Печальный пес зеленый мой мне был как брат.
Не стой у врат с своей сумой - ступай назад!
Иль лучше я уйду с тобой -
где посох мой?

Деревня Голузино Костромской Губернии,
август 1985 года "Фотография Пушкина"

Как будто старой фильмы плеск -
Все тонет в штопанном тумане:
Забор, дорога, поле, лес
С коровой на переднем плане.

Жует корова по слогам,
Квадратно бьется пульс на вые,
И драгоценно по рогам
Стекают капли дождевые.

Из-за застрехи чердака,
Косой из-за дождя кривого
Смерть так понятна и близка,
как расстояние до коровы.

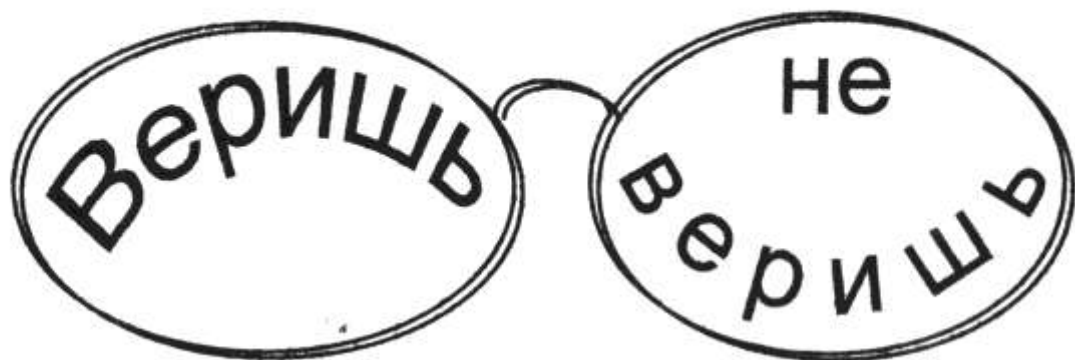
Погодка наконец выдалась - сено ворошить.
А мне - сено не ворошить. Я на свой чердачок-с. У меня творческий процес-с. А только чего - не знаю. Разве вид из окошка, в который раз, не сумею описать. Там-то как раз сено и ворошат. Баба и мужик. Костерочек в стороне развели. Отсюда не видно - кто. Наверно, Молчановы - их угол...

По стеклу на самом переднем плане муха ползет, и так же мысль моя уползает за мухой... Вот ведь, думаю, ни живопись и ни фото - никак этого не отобразить, что в эту рамку для меня вставлено кем-то, задолго до меня эту избу ставившим, никак планировку к виду из моего окошка, естественно, не учитывавшим, но меня, однако, к этому пейзажу приговорившим. Не сфотографируешь так, чтобы и рама окошка как рама картины, и муха ползает по картине, а на переднем плане столб, проводами, как нотными линейками, пейзаж для начала разлинованный так, что на нижней линейке еще забор, на средней как раз сено ворошат, а на верхних двух - уже дальний лес и само небо.

Стоило отвернуться это записать, как ушла баба, улетела муха, мужик на глазах скрылся за стог, осталась одна собачка, которой до того, надо сказать, не было. А мужик-то, было пропавший, затоптал костерок, да в ту же сторону, что баба исчезла, и направляется.

А теперь оглянись и - ничего: ни дымка, ни собачки. И свет переменился. Мирный пейзаж, столь утешающий своей вечностью! Где ты? Какое бешеное время свистит в нем! Тахикардия какая-то. Мчание. Не говоря уже о ветерке и облаках... а там, под спудом, тихой сапой, там грибок растет, да вошь ползет, да мышшь шуршит. Дымок оторвался от земли как душа, уже сам, без мужика - от порыва, от ветра - и нет его. Пейзаж закрыт на обед. Кошка Наташка по опустевшему пейзажу к дому идет, тоже обедать, тоже кормить... сейчас и меня позовут снизу суп есть и - пропал пейзаж!

Еще утро. Или уже утро? Стол, друзья, чужих не было. А потом осмотрелись и вдруг увидели, что нет никакого стола, ни каких друзей, а что-то типа полянки в каком-то дремучем лесу, и никакого жилого духа. Ни ветерка. Даже солнца нет. А такое тусклое освещение идет сразу от всего неба. И как охотники на привале, на тощем одеялке сидят вот так: на юге - турок, а справа - японец, а на севере - Петр, а на западе сидят хорошенькие маленькие детки- мальчики и девочки. Девочек даже больше: шатенки, блондинки, рыженькие. И такие хорошенькие мальчики с короткими стрижками, такие черные густые волосы были у этих мальчиков и у девочек такие же волосы и такие же стрижки. Это оказывается были братья и сестры. И сама собой завязалась беседа. Так было теплее, когда обнимаешься и болтаешь в байковом одеялке.

А в то, что в нее бросали камни, веришь? *Верю*. Что он сказал, не надо в нее бросать камни, веришь? *Верю*. Что потом она с ним до самой смерти была, что ноги мыла, волосами вытирала, веришь? *Верю*. А что он воскрес, веришь? *Не верю*. А что мучился, веришь? *Верю*. Что над ним смеялись, он ведь голый был. Губы щекотали уксусной тряпкой. Плунуть могли, подергать, веришь? *Верю*. А то, что воскрес? *Не верю*. А то, что по саду ходил после того, как умер, веришь? *Верю*. И она его сразу узнала, он живой был, или как живой, о господи, веришь? *Ну верю*. А в то, воскрес, веришь? *Не верю*. И мать его узнала. И она. Ошибки быть не могло, веришь? *Верю*. А что, воскрес, веришь? *Не верю*. Так ты во что не веришь? В слово. Не верю вот в такое слово "воскрес". *Не верю*. А вообще-то во все остальное *верю*.

А потом на одеялко накинута сама собой простынка, такая чистая, как снег. Появилось утешение для всех: и для турка, и для японца, и Петр, он был на севере, а подсел поближе, чтобы согреться. И дети шумные все-все прибежали с запада. Стало весело. За этой скатертью, которая и была Россией, так ее звали, имя у нее такое - всем было хорошо.

А в Снегурочку веришь? *Верю*. Что она через костер с подружками прыгала, и растаяла, а потом воскресла и умыла всю компанию дождем, веришь? *Верю*. И то, что Россия такая широкая и дремучая, и столько в ней лесов, полей и рек, веришь? *Верю*. А в избушку на курьих ножках веришь? *Верю*. И в русский язык. И как говорил Ломоносов, *верю*, что частое повторение письмени **А** способствовать может к изображению великолепия, великого пространства, глубины и вышины, так же и внезапного страха; учащение письмен **Е, И, Ъ, Ю** - к изображению нежности, ласкательства, плачевных или малых вещей; через **Я** показать можно приятность, увеселение, нежности и склонность; через **О, У, Ы** - страшные и сильные вещи: гнев, зависть, боязнь, печаль.

Значит в Ломоносова веришь? *Верю*. Что он был из бедной крестьянской семьи, и сам всему выучился, веришь? *Верю*. А в университет им. Ломоносова на Ленинских горах веришь? *Не верю*. Ни на каких Ленинских горах *не верю*. А в Герцена с Огоревым на Воробьевых горах веришь? *Верю*. Значит в Ломоносова веришь? И в Россию веришь? *Верю*. Значит только в Ломоносова и в Россию. Но если абсолютно, то верю только в Ломоносова. *А так вообще, то верю, то не верю*.

* * *

На территории больницы

Сс

Р

Рцы

Мормирдар

Эумдр

Куц

Драпп

Хлоп

Сап

Ржцы

Аут

Ло

Цц

Трава вошла

В жерло

Как Си

Прохогукал

Вей рой

Над ней

В тиши

Веса

Кора ждала

Бурдель

Хочо

Вапрель

Осо

Люди

Зачем вам глаза

Все равно вы

Ничего не

Слышите

Люди

Зачем вам уши

Все равно вы

Ничего не видите

Половой акт

Можно и так

Факт

Солнце
 уходит в глубь
Звезды
 уходят в глубь
В глуби
 Хорошо утонуть
Глубь
 Ты меня приголубь

Корень квадратный из минус Я

Фрагмент

как мне извлечь себя из-под развалин самого себя
какой здесь нужен радикал и степень
КОСМОС в тебе и хаОС
хаос в тебе и космос - ОС ОС ОС
Я - 3 ОС - моя формула - ОС мира плюс минус Я

цистерна вина - Я
семьсот тридцать восемь женщин - Я
Пятьсот несобранных матчей - Я...
Сперма расклеванная по всему миру
пот расклепанный на всех стадионах
слова о любви сказанные до прихода
и забытые после того как пришла
ЧТО ТАКОЕ ПЛЮС Я

ЧТО ТАКОЕ ПЛЮС Я

ОС ОС ОС

МО МО МО

ХА ХА ХА

КО КО КО

хамос

забыл что такое локон Лопиталья как посчитать
обыкновенную функцию но помню сколько стоит
вермут, бецман, портвейн и водка всех сортов с
1961 года

Плаваю под водой с открытыми глазами и хожу
по улицам боясь заглянуть в глаза прохожих

хамос

Снегусеница

Пустоты
и излишества

В русском языке последние годы некоторые поэты пробуют опускать части слов, тогда образуется некое магическое знание. Язык требует окончания или начала, и читатель сам дополняет слово. Оно - слово - существует и не существует одновременно, что рождает новую гармонию стиха. Пустоты ритмически рожают синкопы, взгляд останавливается, сознание повисает без опоры. Но языковые матрицы, в которые уложены сочетания слов в мозгу, мгновенно приходят на помощь. Я написал таким образом целую книгу стихов "Дети в саду" в 1988 году. Эти же стихи относятся к более раннему циклу "Порядковый переулочек".

Жалостливые люди

Строхи

такая жалостливица -
разлилась по талому снегусеница*
чуть не наступил
звини конечно - и прощелуздил
врпшечерезд

было что? - волосырость?
ладкое в слезонах глищо?
голая ногания или ёк-селезенка?
что-то скользкое

я м ам акой - вспом и потекл
чувств-тыв: текусь
по собств-тыв спине
по звонкам - позвонкам взхлеб
растекаюсь по чизам по лужасам**
до до не додо и себя жалкашица***

нребята оберите еня овками
и опатами
онесите еня до до
в едрузиях и тазариях
а уж там я сам ак-нибудь

*корень - негус

**корень - уж

*** корень - алкаш

Весна 1988 г.

Одной линией

необяза наброс
с точностью до чки

робышек
штрихом в возд хвост

признай линией
сразу дом - и сад -
и шляпа с кро

босая но рису покачи
дрявым кустом сморо

бус остано
возле дачи
прие закрича ра

линией - ма и шля
и чемод
и веран - и шампан -
и ура - и вчера

Убить Члена

Фрагмент

Провал в нутро рождает свет дырочки выхода, или конца, или надежды, или творца, или просто дыры, сияющей позади, когда вдруг выдохом кончается картинка с существами, и начинается мир с собой. С самим собой может сразу стать странно, странно, стремительно, стройно, стремглав, стронцию подобный серебряный свет. И - куль! И - куль! Кончилась моя жизнь в виде девичьем, срезанном, ссаженном, сросшимся. Сравнение не сойдет за справедливость, середина с сегодняшнего числа сошла за самую соль. И в представлении своем сильный субъект летит вплавать сквозь пыль цвета сна миров душ. Как вор, он быстр, миг взял свой смысл. Жил-был вор душ, дал смерть, как куш. Как командир войн, пред мною великое ничтожество, бред мой непредвиденный ужасов грёз. Как кино, как кот, как корабль, как краб. Как в кривой комариной кости, комы кори убивают меня, прости, прости. Как в кромешном косом калейдоскопе, кинескоп с киклопом на лошадином крупе, с кровавой крупой вкупе со всем скопом в виде людей, как в песне на блюде, у границы без вёсен, без росы. Безлюдье, безлюдье, безлюдье. Вокруг ни души, ни души. О, душа под душем озарений! Ты нага, гола, велика, как мое творение, мое вдохновение, тление. У этого предельного маразма казарм во мрази, у этого грязного базара баз без грязи, у этого одного последнего раза, есть высшая тайна - ваза без зрачка и знака, лаз зрения и мрака, воз знания и срока, роза милости, близости, тока, Бога. Но нет - только хлад, бред, град, гроб, горб, сор, сыр, путь, суть, склизь, близь, боль. Вина в вине твоя, спина у стены моя, свеча у мочи её, любовь, как морковь. В этой единице есть десница, которой не спится, которая длится, она, как мокрица, она, словно спица, она вдовица, она ослица. Если затеял жизнь, то брызнь, но смерть, как хлеб, пуста, сера, дырчата и воздушна. Дырочка впереди, в дыре дыра дыры, и дно ее бездарно, безумно, бездельно. Вдень себя в дыру, пройди внутрь, вне, выйди в дыравый мир, оставь прошлый пир. Что же произошло?

Это некий ужас предельного, некий провал всего дельного, некое остолбенение энергий, мышц, нервических концов, некое выключение высших слов, кровавых гонцов, некое стояние пред чертой, некий финиш, некий вскрик: "Стой!", некая глупость в виде неожиданной гибели, некое взрывание нутра, убыль без прибыли. Тот, кто жил, теперь закатился, словно медяк под стол бытия, в гущу серых нитей гниения, аннигиляции, исчезновения, негации. Де-экзистенциализация субъекта в маргинальной ситуации, наркотизация его эссенции, поражение его интенции. Его субстанция тонет в тотальной акциденции, его витальная концепция рушится, утрачивая способность рецепции, налицо прекращение всяческой вентиляции, прощай, любовь, прощай, менструации! Да прольется над этим распадом слеза, да не будет адом будущая греза, да снимется все наносное, словно фреза, да пощадит одинокий дух великая божественная гроза! Просто так случилось, что так получилось, так приключилось, потому что, может быть, это и есть милость. Кто знает, что было бы, если бы просто так? Знает. Внутренний шепот существа на конце вдоха с невозможностью выдоха:

- Я, которая я, здесь, или не здесь, сдавлена, или придавлена, тяжестью, или ничем. Выйди, большое облако, освободи от ужаса, дай мне выдержать миг мой, смерть - это не жизнь. Я отой-

ду, отойду, отойду. Я вернусь, подавлюсь, придавлюсь. Я злось, во мне грусть, я - Чернусь? Гусь? Теть Дусь? Вкусный соленый груздь? Кто я? Кто я? Кто я?

Ответ существовал:

- Вот, теперь ты вышел из борений, увидишь себя сверху, как на ладони, как персонажа стихотворений. Наблюдай, а потом - ух! ух! Дальше будет истина и свобода.

Сверху появилось нечто, и потом возникло совершенно четкое мое лицо - Инессы Шкляр. Шкляр, наблюдающая Шкляр. Врач теребит сосок, вводит какой-то провод, моя блевотина, милиционер. Скрипит ребро, синий лик. Ай, верните меня, вот сюда, в мокрое, вонючее, холодное, родное, склизкое... Нет - здесь, внизу, в левом углу среди ничего, тут покой, тут настоящий мир твой.

Крак - внедрение в свои недра, кровавый крик, скрежет сукровицы, тяжелый страх, бездыханный хрип... Снова качели мглы - улет, вылет, выпадение сквозь дырку вниз беззвездности, снова вне... Вон, вон, прекрасна смертельная легкость, снова вид - сверху Инесса Шкляр с кишкой в ноздре, или во рту; грудь ее пронзаемая шприцом, это - я. ик. Ай, верните меня, вот сюда, в мокрое, вонючее, холодное, родное, склизкое... Нет - здесь, внизу, в левом углу среди ничего, тут покой, тут настоящий мир твой.

Крак - внедрение в свои недра, кровавый крик, скрежет сукровицы, тяжелый страх, бездыханный хрип... Снова качели мглы - улет, вылет, выпадение сквозь дырку вниз беззвездности, снова вне... Вон, вон, прекрасна смертельная легкость, снова вид - сверху Инесса Шкляр с кишкой в ноздре, или во рту; грудь ее пронзаемая шприцом, это - я.

Алина Витухновская

11

Черное

Кобура тревожного пистолета.
Шоколад на крови.
Негритянское гетто.
Глупые дети боятся
красивых ведьм.
1988

Из миллиардного состояния
явился я в халате и под охраной.
Я шел, героически раненный,
Двадцатидвухликий Янус.

"Симулянт!" -

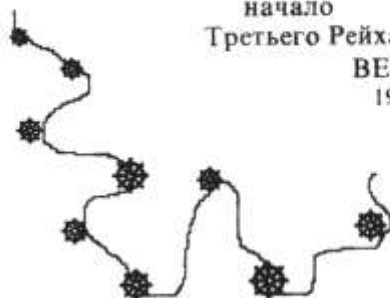
кричала врач пучеглазая:
"Ты обманул весь мир!"
И я торчал как шприц
одноразовый
Из их материи дыр.

И доктор, опаздывающий
на лекцию,
разбрасывал глупенькие листы,
когда я в их дыры вводил инъекцию
всепоглощающей пустоты.
1995

Я окончательное онемение,
незвучательное ничто батареек.
Требуйте свою личную
окончательную
немую смерть
по адресу даты -
Берлин,
весна,
начало
Третьего Рейха.

ВЕдь...
1995

Речь у нас пойдет о стихах - о моем единичном по этой части опыте: переводе 999-строчной поэмы Набокова "Бледное пламя". Я, впрочем, это стихами про себя никогда не называл, скорее "виришами", если уж требовалось название.

Так вот, в то время я занимался "Себастьяном Найтом", "бледное пламя" ждало своей очереди, и я понемногу принялся возиться с поэмой, справедливо рассудив, что времени она может отнять немеряно, а переводить ее за письменным столом - занятие пустое, лучше на ногах, перепатетически. То есть поначалу-то я именно столом и ограничиваться и собирался, еще не представляя толком, что мне с поэмой делать. Подстрочник? Кто его станет читать? Я бы не стал. Белый стих? Пожалуй. (Лишь спустя какое-то время я вычитал у Самойлова, что ничего нет труднее белого стиха, и порадовался тому, от какой беды меня отнесло). Между

тем, в голове моей что-то варилось, булькало и неожиданно на поверхность всплыли две первые строки, вполне на мой вкус пристойные да еще и рифмованные. Правда, слово "свиристель" было в них употреблено в женском роде, но полагая, что так ему и быть надлежит, огорчения я по этому поводу пока не испытывал. А тут еще в конце "Ады", которую я тогда с испугом дочитывал, обнаружились две с половиной переведенных самим Набоковым строки, тоже рифмованных, их, разумеется, должно было использовать - в общем, стало ясно, что стихосложения мне не избежать.

И я начал слагать. Незадолго до того знакомая поэтесса подарила мне утащенный ею с какой-то выставки кубической формы стакан из темной пластмассы, в которой четыремя (по числу Песен в поэме) разноцветными стопками лежали листки для записок. Эти листки я, помятуя о Набоковских карточках: приспособил под беловики, отведя каждой Песне свой цвет. Черновики же наборматывались на ходу, в дачных электричках, под стук метровых колес, но чаще всего во время ночных прогулок с нашей дворняжкой по имени Трефа. Постепенно выработался ежедневный урок - две строки (благо поэма писана героическим куплетом) или немного больше, до ближайшей точки. Не исполнив урока, я под крышу старался не возвращаться и мерз, помню, зимой ужасно. Впрочем, бывало и возвращался: шесть, кажется, строк из Песни второй отняли у меня около месяца - пришлось заехать аж в Ленинград, чтобы там, в дымном шалмане недалеко от Московского вокзала, под беседу с только что выпущенным из-за колючки гражданином СССР, после третьей-четвертой стопки дрянного коньяку умучать-таки непокорных. Строк этих не привожу, потому что качество результата никак не отражает количества потраченных для его достижения усилий. Но я, повторяю, на создание поэтического качества не уповал, а сооружал опалубку, арматуру, скрепы для прозы со всеми ее нелепыми толкованиями, для которых надлежало заложить основу в тексте поэмы, чтобы не жаловаться потом на "непереводимую игру слов".

Продолжалось это около года. Миновали два путча ("Иль утром, сразу после путча, подумать: Вот куда бы Тютчева"), соавторша моя погибла, еще кое-что напечаталось - много всего миновало, оставив мне в виде сухого остатка достаточно, кажется, оснований, чтобы неперья подписаться указующим

Сергей Ильин,
переводчик

Владимир Набоков

Бледное пламя

Песня четвертая
(строки 833-872)

Теперь силки расставлю красоте,
Из коих не уйти.

Теперь явлю протест,
Досель неслыханный.

Теперь возьмусь за то,
С чем сладить и не пробывал никто.
И к слову, я понять не в состоянии
Как родились два способа писанья
В машине этой чудной: способ А,
Когда трудится только голова, -
Слова бесчинствуют,

поэт их судит строго
И в третий раз намыливает ногу;
И способ Б: бумага, кабинет
и чинно водит перышком поэт.

Тут мысль рукою правит, тут конкретен
Абстрактный бой,

перо парит и в клетки
Летит к луне зачеркнутой, в узду
впрягая отлученную звезду.
Так мысль строку и тянет и манит
На свет через чернильный лабиринт.
Но спооб А - агония! Зажат
Стальнойю каской лоб.

Слова построив в ряд
И нацепив мундир,
муштрой их мучит Муза,
И как ни напрягайся, сей обузы
Избыть нельзя, а бедный автомат
Все чистит зубы (пятый раз подряд)
Иль на угол спешит. - купить журнал,
который он давно уж прочитал.

Так в чем же дело? В том, что без пера
На три руки положена игра:
Чтоб рифму брать, чтобы держать в уме
Все строки прежние и чтобы в кутерьме
Строку готовую держать перед глазами?
Иль вглубь идет процесс,

коль негу рядом с нами
Опоры промахов, поэты пьедестала -
Стола! Ведь сколько раз, бывало,
Устав черкать, я выходил из дома,
И скоро слово нужное, влекомо
ко мне немой командой, засвистав,
стремглав слетало прямо на рукав.

Вилли Мельников

13

Оригинал, транскрипция и русский
перевод с инкского

[уууэри-куайа-каивак-мгатуама-лиуцран-
-угимувэ-мату-аирунаэ-тлахан-куириэ-
-цкажирэ-ушт-пхаларак-вут--каухталь-
-чтилам-капак-уариэонэ-таун]

Стена - это пророк пространства,
окно - его толкователь,
дверь - миссионер.
Поэзия - это попытка доказать всем,
что ты никому ничего не хочешь
доказывать
Извержесты распрямимимики
за непогрешимой светской улыбки.

Геннадий Айги

Снег в саду

чиста проста
глубоко и почти без места
и тих и незаметен
светлы и широки

сплю весь
и - сейся

мерцать замешиваться взорами

и сеется

и суть

Сад-грусть

это
(быть может)
ветер
клонит — такое легкое
(для смерти)
сердце

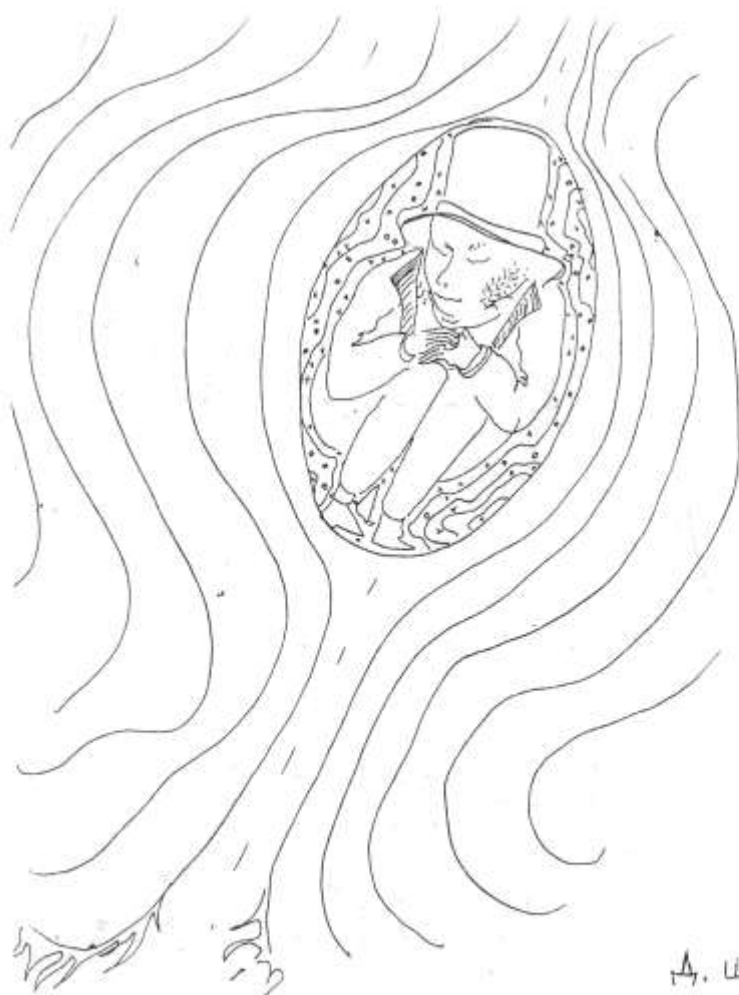

Рисунок
Дмитрия
Шевнионкова

Д. Ш.

Константин Кедров

Алмаз Спинозы

шлифователь алмазов
Барух Бенедикт Спиноза
доказал

синонимичность понятий

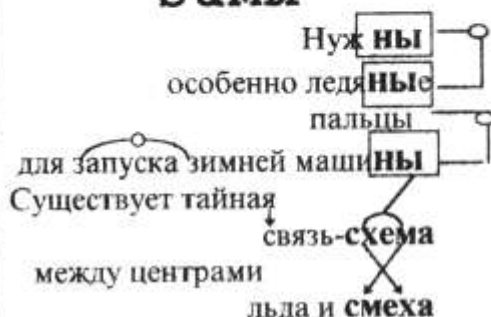
алмаз и разум
границы разума - грани алмаза
ум алмазообразен

Тогда кто въявь кто в неге сон
вступили в прежние пределы
гнусавые как тьмы прононс
божественны как лоно *Девы*
Из уст в уста преобразен
как поцелуй продолжен в дрожи
вибрирующий в гранях луч
витраж изнеженный на коже
В пределах *Девы* корень из-
влечен плюс-минус в к-
вадрате
пльви мой челн по воле волн
Де Бройля
в графике *Декарта*
Когда в спектральных муках взгляд
блаженствует сквозь линзы множась
влажнеет девичий алмаз
в ладонях нежного *Спинозы*

Елена
Кацюба

Машина

зимы

Зима - белая маска мима

не-бо
не-мо
когда с-не-г
Зима: не-ма-
я

Чертеж зимы
за чертой
речи

В каждой

детали-снежинке

о са
о сад
летящего льда

где танцует

па-де-с-ног

пролетает сквозь

дно-Пегас

опускается

него-спад

рассыпается

снег-по-ад

обнимается

снегопад

Вадим Рабинович

Соловей-разбойник, соловей-пташечка

Борис Иванович Соловьев - куратор поэзии в "Советском писателе" в 70-е годы, специалист по Ал.Блоку, чувствительный к поэтическому слову, и все это вместе, может быть, благодаря своей песенно-разбойничьей фамилии.

За отсутствием в наших краях Ильи Муромца его роль, хотя и вербально, исполнила Инна Лиснянская, хотя и без толку.

Войдя в отделанное под дуб гнездилище Б.И. с наполовину им же ошипанной версткой И.Л. твердо спросила: "Почему?" Чувствительный к слову по-отчески ответил: "Нам не нужны *вторые* Ахматовы и Цветаевы," - на что тут же получил ответ: "По-моему, вам не нужны и *первые*". (Эту полемику я слышал собственноручно сквозь неплотно закрытые створы, ожидая своей очереди по сходному делу. Между прочим, в одном из моих стихотворений Б.И. вычеркнул невинно употребленное мною слово *цензор*, быстро доказав мне несуществование такой специальности.)

Специалист по бабочкам прецизионно попадает в центральный ее нерв. Красавица, не шелохнувшись, умирает в непотревоженном убранстве пыльцы. (Усыпительный эфир для коллекционерских целей менее эффективен.) Точно так поступал и Б.И., предлагая сочинителю заменить лучшую строку стихотворения - его центральный нерв, демонстрируя тем самым безупречный вкус. И автор сам, "своею собственной рукой", освобождал из своей же книги всё стихотворение. Невозмутимый Б.И. сожалел. (У поэта Вадима Сикорского есть целый гербарий таких вот попавшихся красавиц-бабочек.)

Б.И.Соловьева с нами больше нет, но в фольклоре он живой:

*Борис Иванович Соловьев -
специалист не из последних
по холощенью соловьев
и умерщвлению последних.*

Два соловья - пташечка и разбойник - сошлись навсегда...

"Газета ПОэзия" № 6, 1997.

Учредитель группа ДООС (Добровольное Общество Охраны Стрекоз) при участии Всемирной Ассоциации писателей (Русский Пен-клуб).

Главный редактор доктор философских наук, обозреватель газеты "Новые Известия"

Константин Кедров.

Редакционный совет: профессор В.Вестстейн (Нидерланды), А.Витухновская, Е.Кашоба (ответ.секретарь), В.Нарбикова, профессор кафедры Философской антропологии МГУ В.Рабинович, Г.Сапгир, генеральный секретарь Русского Пен-клуба А.Ткаченко, И.Холин.

Логотип и графика на с.1: Михаил Молочников.

Макет и оформление: Елена Кашоба.

Издатель Елена Соловьева.

Тираж 999 экз.

Газета

ПОЭЗИЯ

Подписной индекс по каталогу
Департамента Минсвязи РФ
(в разделе журналов)

43192

в любом почтовом
отделении.

Подписку осуществляет Агентство
"Книга-сервис" РФ 117168, Москва
Кржижановского, 14/1
тел.: (095) 129-72-12
факс: (095) 129-01-54